

Научная статья

УДК 81.255.4

DOI 10.17223/18137083/85/23

Интертекстуальность в топосах позднеантичных и средневековых переводческих паратекстов Западной Европы

Анна Леонидовна Соломоновская

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

a.solomonovskaia@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8300-6691>

Аннотация

Рассматриваются интертекстуальные включения в паратекстах средневековых западно-европейских переводчиков в рамках топосов «общего блага» и «скромности и долга переводчика». Отсылка к христианским и классическим авторитетам также используется для обоснования выбора переводимого материала.

Ключевые слова

интертекстуальность, паратекст, средневековый перевод, топос, *bonum commune*, топос скромности

Для цитирования

Соломоновская А. Л. Интертекстуальность в топосах позднеантичных и средневековых переводческих паратекстов Западной Европы // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 312–324. DOI 10.17223/18137083/85/23

Intertextuality in the topoi of late antique and medieval Western European translation paratexts

Anna L. Solomonovskaya

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

a.solomonovskaia@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8300-6691>

Abstract

Medieval culture was the culture of authority rather than the one of the author. It was due to an idea of intellectual property not existing yet. Also, any pursuit of intellectual activity, especially in the spiritual sphere, was to be substantiated with a direct quotation or allusion to venerated sources, the Scriptures, and, over time, to the classical authorities. One of these intellectual pursuits was translation. Translators expressed their concerns and justified their choices of subject, author, target language, and translation techniques in paratexts (forewords)

© Соломоновская А. Л., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 312–324

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 312–324

and afterwords). The paratexts were a kind of standardized texts, i.e., the combinations of several topoi present in most, if not all, paratexts. This study covers 73 paratexts dated from 132 B.C. to 1371 A.D. Several topoi, including those of humility (modesty), bonum commune, appeal to the patron, and others, have been singled out, with intertextual elements (quotes and allusions) within them identified. These elements were found in 86 fragments of the 47 paratexts. The topoi featuring the most intertextual insertions were found to be the topoi of the bonum commune (19 out of 86 quotes or allusions) and humility topoi (9 insertions). The intertextual fragments within the first one were used to illustrate the lifestyle of a Christian, to justify their duty to spread the Good News, especially when expecting the end of times, and to combat social evils such as drunkenness. As for the second one, translators used a fragment of the Scriptures, the Parable of Talents, to overcome their hesitation.

Keywords

intertextuality, paratext, medieval translation, topos, bonum commune, humility topos

For citation

Solomonovskaya A. L. Intertextuality in the topoi of late antique and medieval Western European translation paratexts. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 312–324. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/23

Введение

Статья отражает промежуточные результаты кросс-культурного изучения переводческих паратекстов (термин Ж. Женетта [Genette, 1997]) позднеантичного и средневекового европейского пространства. Отдельные паратексты либо одного переводчика, либо группы переводчиков достаточно часто попадают в фокус внимания исследователей-медиевистов, однако рассмотрение переводческого предисловия как жанра с набором характерных мотивов и интертекстуальных вставок, тем более в кросс-культурном аспекте, представляется актуальным. В дальнейшем предполагается, насколько возможно, более полное рассмотрение переводческих предисловий и послесловий с наиболее ранних известных (в частности датируемого 132 г. до н. э. предисловия к переводу Книги Иисуса сына Си-рахова) до конца собственно средневекового периода (XIV в. н. э.). На данный момент собрано 73 переводческих паратекста на латинском, греческом, древнеанглийском, древнемецком, старославянском, церковнославянском и старофранцузском языках. Все собранные паратексты были проанализированы с целью выделения повторяющихся элементов-топосов для решения задачи, поставленной при написании статьи, а также с целью выявления интертекстуальных фрагментов.

Интертекстуальность является неотъемлемой чертой средневековой книжности, при этом, в отличие от современной литературной игры, она была естественной: при отсутствии осознания авторского права, с одной стороны, и необходимости защититься, прибегая к христианскому или классическому авторитету, с другой, использование образов, идей, цитат или даже псевдоцитат авторитетных писателей – как библейских (например, Соломон), так и античных (Аристотель или Цицерон) – было в целом эффективной стратегией переводчика или книжника, позволявшей ему защититься от возможных нападков недоброжелателей. Интертекстуальность принимала разные формы: это могло быть просто ритуальное упоминание какого-либо авторитетного персонажа, аллюзия к известной библейской истории или притче, прямая цитата библейского фрагмента или псевдоатрибуция текста классическому или библейскому авторитету.

В собранном на данный момент материале интертекстуальность присутствует в 47 из 73 паратекстов в составе 86 топосов. Топосы, в которых чаще всего используются аллюзии или цитаты для оправдания деятельности переводчика, – это так называемый мотив *bonum commune* («общественного блага») (19 интертекстуальных фрагментов), топос скромности (и ее преодоления) (9 фрагментов), мотив оценки предшествующих авторов или переводчиков (9 фрагментов); по семь интертекстуальных вставок было обнаружено в рамках рассказа об источнике, обращения к адресату, описания принципов перевода и ответа на реальную или предполагаемую критику. В пяти случаях интертекстуальные вставки позволяют обосновать возможность перевода престижного текста на народные языки, в шести цитаты появляются в рамках обсуждения богословских или философских вопросов. Здесь будут рассмотрены примеры интертекстуальности и ее эволюция в рамках наиболее важного топоса – *bonum commune* («общественного блага»), и примыкающего к нему топоса «(зарытого в землю) таланта»

Интертекстуальные вкрапления в рамках топоса *bonum commune*

Уже один из самых ранних христианских переводчиков, Руфин Аквилейский (тексты опубликованы в [Migne, 1862]), обосновывая свое обращение к трудам Оригена, считавшегося еретиком, использует образ светильника (Евангелия), с помощью которого Ориген пытался рассеивать тьму невежества. Это аллюзия на Евангелие от Матфея 5:15 – «Не ставят светильник под спудом». Аллюзия эта встречается и в более поздних предисловиях и послесловиях переводчиков, например, в Апологии Жерару Кремонскому (текст опубликован в [Haskins, 1924]), где жизнь христианского ученого подвижника уподоблялась светильнику, освещающему путь последователей.

Часто цитаты из Писания, христианских или классических авторитетов попадали в переводческие паратексты для описания образа жизни, подобающего христианину или просто мудрому человеку. У уже упомянутого Руфина Аквилейского в предисловии к переводу Книги Чисел Оригена цитируется отрывок из Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Задача, которую переводчик ставит перед собой, – предоставить читателю «мудрое слово, которое тот сможет приложить к себе» (*verbo bono ut sapientie adjuvat ad illum*) (Премудрость Иисуса, сына Сирахова 21:18).

Принципы житейской мудрости, приписываемые Птолемею, автору «Альмагеста», приводятся в прологе к его арабскому переводу, который дошел до нас в латинском переводе Жерара Кремонского. Это список из 34 высказываний, рисующих портрет восточного мудреца, например, высказывание 14: «*Plus gaudeas quod non dixisti errorem, quam quod bene dicendo non tacuisti*» («Больше радуйся, не сказав чего-либо ошибочного, чем нарушив молчание и сказав что-то правильное») [Burnett, 2010, S. 126].

Образ жизни христианской монашеской общины описывает древнеанглийский книжник и учитель Этельвольд в своего рода предисловии к древнеанглийскому переводу Бенедиктинского Устава, «Основании монастырей королем Эдгаром». В этом тексте цитаты из Писания, в частности, из Деяний Апостолов 4:32, используются для характеристики образа жизни первых христианских общин с их общей собственностью и единомыслием во всем. В этом же предисловии цитируются и Евангелия. Во-первых, Евангелие от Луки 4:23 (в переводе с английского эта

цитата звучит следующим образом «Кто намеревается делать добрые дела, пусть начинает с себя» [Saint Aethelwold, 2017, p. 156]). Русскоязычному читателю эта цитата известна в церковнославянском варианте «Врачу, исцели себя сам». Вторая цитата (Евангелие от Иоанна 10:12) опять же содержит моральное наставление в адрес главы монашеской общины не «пользоваться служебным положением» и не отдавать земли монастыря своим родственникам.

При этом собственная праведная жизнь недостаточна для спасения: христианин, а тем более лицо духовное, отвечает за спасение душ окружающих. Еще в знаменитом Praefatio Brixiana (латинском предисловии к готскому переводу Библии конца VI в.) приводится якобы наставление апостола Петра о долге христианина наставлять не только своих сторонников, но и тех, кто выступает против тебя, при этом не добавляя ничего от себя, а лишь передавая то, что узнал от «истинных пророков». Сам Климент передает слова апостола Петра, который, в свою очередь, получил это назидание от Иисуса. На самом деле это фрагмент апокрифического раннехристианского сочинения, приписываемого Клименту Римскому и известного как *Recognitiones* (8:37) [Heather, Matthews, 2004, p. 159–160].

Обязанность христианина по мере возможности способствовать спасению души, распространяя всеми возможными способами «Благую Весть» подчеркивается в предисловиях переводчиков более позднего периода – конца раннего – начала высокого Средневековья. Именно это вслед за царем Давидом Псалмопевцем (Псалом 39:11) ставит себе в заслугу Константин Пресвитер: «Не потаих милости твоя, ни истины твоя от събора многа» (текст предисловия опубликован в [Gallucci, 2001, p. 125–128]). Такая ответственность становится еще выше «в последние времена», на что указывают в своих предисловиях славянин Иоанн Экзарх Болгарский к переводу «Небес» Иоанна Дамаскина¹) и англичанин Эльфрик (латинские и древнеанглийские предисловия с их современными переводами, опубликованы в [Thorpe, 1844; 1846; Wilcox, 1995]). Более того, спасение души грешника в христианском вероучении становится условием спасения души самого книжника, что утверждают упомянутые выше Иоанн Экзарх и Эльфрик.

Эльфрик также широко использует Ветхий Завет, в частности книги пророков Иезекииля и Исаяи, в тех же целях: обосновать свое право на проповедь и, соответственно, перевод, по крайней мере, фрагментов Писания и сочинений отцов церкви на язык, понятный «неученым людям» (*ungelærede menn*). Эта задача представлялась Эльфрику особенно актуальной в свете ожидаемого «со дня на день» конца света. Эти ожидания отражаются в предисловии Эльфрика к первой книге «Католических гомилий» в древнеанглийском переводе (текст опубликован в оригинале и современном английском переводе в [Thorpe, 1844, p. 2–8; Wilcox, 1995, p. 108–110]), где с отсылкой к главе 24 из Евангелия от Матфея переводчик описывает события, которые будут предшествовать концу света. Из приведенной в этом же прологе цитаты из пророка Иезекииля (глава 3:18–19) [Wilcox, 1995, p. 110] в древнеанглийском переводе становится понятно, что основная мотивация Эльфрика – прежде всего спасение собственной души, так как если человек уклоняется от вразумления неправедных, то их грехи ложатся не только на них самих, но и на него. Для усиления эмоционального эффекта Эльфрик приводит и цитату из Книги пророка Исаяи, в которой пророк (и учитель) призывается обличать беззакония в своем народе: «Взывай громко, не удерживайся, возвысь голос твой,

---

¹ Опубликовано в: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885. Т. 1. С. 320–324.

подобно трубе, и укажи народу Моему на беззаконие его, и дому Иаковлеву – на грехи его» (глава 58:1) ².

Будучи в первую очередь духовным учителем, Эльфрик использует Священное Писание и для борьбы с «бытовыми» пороками. В частности, в одном из паратекстов к Книге второй «Католических гомилий» («Предостережении») он приводит две цитаты – одну из ВЗ – Левит 10:9-10 (в современном переводе «(9) Вина и крепких напитков не пей ты и сыны твои с собою, когда входите в скинию собрания, чтобы не умереть. Это вечное постановление в роды ваши. (10) Чтобы вы могли отличать священное от несвященного и нечистое от чистого»). И вторая цитата в этом «Предостережении»: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно» – из Евангелия от Луки, глава 21: 34 ³.

Перевод и истолкование Священного Писания на понятном соплеменникам языке (в данном случае, среднеанглийском) считал своим долгом и книжник Орм, закончивший в 1180 г. «Евангельскую гармонию», сборник новозаветных гомилий, названный по его имени «Ормулум» (здесь и далее среднеанглийский текст посвящения и пролога рассматриваются по [Holt, 1878]) ⁴. У него повторяется также мотив спасения своей души путем попытки принести Благую Весть другим, который мы уже встречали у других переводчиков, у славянина Иоанна экзарха и англо-сакса Эльфрика: даже если эта проповедь не подействует должным образом, печальная посмертная судьба грешников не падет на книжника, ведь он выполнил свой долг.

Во многих паратекстах, и чем позднее, тем чаще, апология христианской учености превращалась в апологию знания и просвещения вообще. Особенно ярко это проявляется в предисловиях и послесловиях переводчиков и авторов, работавших в период «Возрождения двенадцатого века», особенно в Испании и Франции. При этом меняется, прежде всего у переводчиков, работавших в рамках Толедской школы, набор цитируемых авторитетов. Все чаще и чаще, наряду, а иногда и вместо библейских персонажей цитируются языческие авторы, такие как Аристотель, Цицерон, Овидий. Хьюго де Санталл, например, в предисловии к переводу *Centiloquium* Птолемея (опубликовано в оригинале в [Haskins, 1924, p. 69]) цитирует сочинения Аристотеля «Книгу о высших знаках» и пролог к «Риторике»). Основной пафос этих двух цитат – необходимость гармоничного сочетания формы и содержания, замысла и инструмента: «quod in prologo Rethorice dicitur sapientia sine eloquencia parum prodesse civitatibus, eloquencia sine sapientia prodesse nunquam, obese plerumque» («Как говорится в прологе к «Риторике», мудрость (знание) без красноречия мало пользы приносит государству (обществу), а красноречие без знания (мудрости) вообще не приносит пользы, а по большей части вредит») ⁵.

Автор «Романа о Трое» Бенуа де Сен Мор помещает в прологе к своему поэтическому переложению *De Excidio Troiani Historia* на французский язык развернутый панегирик распространению знания, причем знания не чисто религиозного, а знания вообще, без которого «люди бы веками жили неразумно, как дикие звери» (*Vesquist li siegles folement... come bestes*). Подкрепляет он свое мнение цита-

² <https://allbible.info/bible/sinodal/isa/58/> (дата обращения 08.07.2022).

³ <https://allbible.info/bible/sinodal/lu/21/> (дата обращения 08.07.2022).

⁴ Русский перевод см. в [Предисловие..., 2015].

⁵ Перевод мой. – А. С. За проверку перевода выражаю искреннюю благодарность Полине Алексеевне Сикацкой.

той, которую он приписывает Соломону, о том, что человек должен не скрывать, а показывать свои знания: «Salemon nos enseigne e dit. / Et sil list om en son escrit/ Que nus ne deit son sen celer / Ainz le deit om si demonstrer» («Соломон учит нас и говорит, и это можно прочесть в его писаниях, что мы не должны скрывать свои знания, а наоборот, человек должен их показывать») ⁶ [Sainte-Maure, 1904, p. 1].

Авторитет Библии помогал переводчику обосновать решение расширить свою задачу и сделать новый перевод вместо редактирования старого или выбрать для перевода определенный текст. Например, фрагмент, присутствующий во всех синоптических Евангелиях, а именно фразу «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие» (Матф. 9:17, Лука 5:37, Марк 2:22), Иероним Стридоник приводит как обоснование своего желания не столько редактировать уже переведенный ранее текст Притч, Экклезиаста и Песни Песней, сколько переводить его заново, с оригинала [Schaff, 1892], а древнеанглийский книжник Эльфрик в английском предисловии к переводу «Житий Святых» цитирует на латинском языке фрагмент из Псалма 67 – *Mirabilis Deus in sanctis suis* ⁷ (вводя его с помощью фразы «некий пророк / мудрец (witega) воскликнул»), объясняя таким образом необходимость чтения (и перевода на понятный большинству язык) житийных текстов [Wilcox, 1995, p. 120–121].

В XII в. в христианском мире Западной Европы все большую роль начинают играть переводы с арабского и греческого естественнонаучных сочинений античных языческих авторов. Цитаты из Писания в предисловиях к таким сочинениям встречаются несколько реже. Наряду с Библией и христианскими мыслителями переводчики обращаются к древнегреческому и римскому наследию. Например, Герман Далматский в предисловии к латинскому переводу «Планисферы» Птолемея (1143 г.) (латинский текст с современным английским переводом опубликован в [Burnett, 1978, p. 109–112]) упоминает языческих богов и других античных персонажей (например, Вакха или Цереру) и цитирует Цицерона (вернее, атрибутирует Цицерону выражение «*misera sit fortuna, cui nemo invidet*» – «горе тому, кому никто не завидует»).

Поскольку часто эти переводчики обращались к тематике, сомнительной с точки зрения официальной церкви, например астрологии, то для оправдания выбора этого предмета в своих предисловиях они цитируют авторитетов как библейского и церковного, так и языческого античного происхождения. Например, в предисловии Хьюго де Санталла и Германа Далматского к латинскому переводу *Liber Trium Iudicum* (середина XII в.) (латинский текст с английским переводом приводится в [Burnett, 1977, p. 79–97]) переводчики для апологии астрологии ссылаются как на библейских персонажей (пророков Иеремию, Иова и Даниила, царей Давида и Соломона, а также патриарха Авраама), так и на античных авторов Платона и Гиппократ, наряду с христианскими теологами и поэтами V в. Боэцием и Седулием. Одним из главных возражений против астрологии было то, что предопределенность судьбы противоречит постулату о свободе воли. Отвечая на это, Санталл приводит две цитаты из Священного Писания. Первая – это несколько

⁶ Перевод с французского наш. – А. С.

⁷ https://vulgata.org/ot/psalms_67.htm (дата обращения 08.07.2022); русский синодальный перевод – «Страшен Ты, Боже, в святилище Твоем», <https://ebible.org/russyn/PSA067.htm> (дата обращения 11.04.2023), не совсем соответствует латинскому, так как *mirabilis* часто понимается как «чудесный», а *sanctis* – как «святой», в католическом оффертории вся фраза переводится именно так: «Чудесен Бог в святых Своих».

ко видоизмененный стих 24 из Псалма 54: у Санталла «*virī enim iniusti* (несправедливые) *non dimidiabunt dies suos*» – в оригинале (Вульгата) – «*virī sanguinum et dolosi* (кроважадные и коварные) *non dimidiabunt dies suos*»⁸ (русский синодальный перевод: «кроважадные и коварные не доживут и до половины дней своих»⁹). В исходном контексте (обращения псалмопевца к Богу) это скорее «мольба о справедливости», но в контексте предисловия данная цитата выступает в качестве доказательства возможности влияния (в данном случае негативного) человека на длительность отведенной ему жизни («дней своих»). Вторая цитата взята из главы 38 стиха 5 Книги пророка Исаяи и представляет обратный пример: «правильное» поведение царя Езекии продлевает ему жизнь на пятнадцать лет.

Современник Хьюго де Санталла и Германа Далматского, анонимный сицилийский переводчик «Альмагеста» (текст предисловия опубликован в [Haskins, Lockwood, 1910]), цитирует мнение Боэция о пользе квадравиума, включавшего астрономию, для развития ума и ссылается на утверждение Ремигия Реймского о том, что патриарх Авраам учил египтян астрологии. При этом переводчик осознает противоречивость отношения Библии к этому предмету, указывая на осуждение Богом таких попыток на примере Моисея и Даниила. Поскольку «Альмагест» все же был в первую очередь астрономическим и математическим, а не астрологическим сочинением, обосновать его перевод сицилийский переводчик также стремится, обращаясь к Писанию, в частности к «Посланию к Римлянам» Апостола Павла (глава 1 стих 20): «*A creatura siquidem mundi invisibilia Dei intellectu conspiciuntur*» («Ибо через созданный мир невидимое Бога интеллектом познается»¹⁰) [Ibid., p. 101]. В Вульгате этот фрагмент выглядит несколько по-другому, но передает тот же смысл: *invisibilia enim ipsius a creatura mundi per ea quae facta sunt intellecta conspiciuntur sempiterna*¹¹, в русском синодальном переводе: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество чрез рассматривание творений видима»¹²). Именно таким «рассматриванием творений» занимается астрономия. Как и для других переводчиков этой эпохи, для анонимного сицилийского книжника характерно обращение как к христианским, так и к языческим авторитетам. Завершает он свое предисловие, цитируя Овидия: «*Felice anime quibus hoc cognoscere primum / inque domos superas scandere cura fuit*» («Счастливы души людей, познавших это впервые и пожелавших в дома высших проникнуть существ» – в переводе М. Ю. Лермонтова)¹³.

Долг превыше скромности и смирения: притча о талантах и другие мотивы в рамках «топоса скромности»

Важнейшая добродетелью христианина, а тем более лица духовного, каковыми были большинство средневековых книжников, – смирение, плохо сочетающееся с определенной дерзостью, необходимой, чтобы взяться за перевод авторитетных источников как светского, так и духовного характера. Это противоречие находило разрешение в сочетании ритуального утверждения о своей «многочесности, тупости и невежестве» с разного рода мотивами, «вынуждавшими» книж-

⁸ https://vulgate.org/ot/psalms_54.htm (дата обращения 08.07.2022).

⁹ <https://allbible.info/bible/sinodal/ps/54/> (дата обращения 08.07.2022).

¹⁰ Перевод мой. – А. С.

¹¹ https://vulgate.org/nt/epistle/romans_1.htm (дата обращения 08.07.2022).

¹² <https://allbible.info/bible/sinodal/ro/1/> (дата обращения 08.07.2022).

¹³ <https://mir-knig.com/stihi/read/34609> (дата обращения 08.07.2022).

ника взяться все-таки за такой ответственный труд. Одним из самых распространенных мотивов был «мотив уговоров», перекладывающий ответственность с переводчика на заказчика. Другим важным мотивом был «мотив спасения души» – как души самого книжника, так и душ его возможных читателей. Мотив «Божьей помощи» обеспечивал определенную долю уверенности, что получающийся в результате деятельности переводчика текст родился не столько в силу разумения переводчика, сколько по «божьему наитию». И, наконец, наиболее популярным мотивом, который присутствует у многих переводчиков и целиком, в виде пересказа известной притчи, и в качестве аллюзии, был мотив «зарытого в землю таланта» и наказания за такое поведение.

Евангельская притча о талантах встречается с небольшими разночтениями в Евангелиях от Матфея и Луки. Она часто используется в средневековых текстах и паратекстах для метафорического обозначения долга человека, познавшего Божественную истину, нести ее другим.

Эту притчу использует Григорий Великий в *Cura Pastoralis*, говоря о долге проповедника. Используется она и в эпистолярном жанре, в частности в посланиях Пап Григория II и Григория III к англо-саксонскому миссионеру Бонифацию – талантом в данном случае является его миссия, а преумножением порученных ему средств – успех таковой [Fagaci, 2013]. Латинские христианские авторы часто повторяли этот образ, который позволял им, не производя впечатления людей самоуверенных, не осознающих недостаточности своего таланта или сложности задачи, все-таки взяться за тот или иной труд – ведь Евангелие от Матфея обещает «плач и скрежет зубов» зарывшим свой талант в землю.

Встречается отсылка к этой притче и у Беды Достопочтенного (в «Объяснении Апокалипсиса»), где автор объясняет свои проповеднические старания осознанием ответственности за полученный им от Бога талант), но, вероятно, непосредственным источником для Эльфрика был Павел Диакон, который, впрочем, трактовал «талант» весьма расширительно – не только дар проповедника, но талант или навык в любой другой сфере, включая вполне приземленные ремесла. Эльфрик использует эту Притчу в древнеанглийском предисловии к «Грамматике» (опубликовано в [Wilcox, 1995]), также упоминая наказание, которое ждет не реализовавшего доверенный ему талант (*pund, feoh*). Более того, он выходит за рамки личного дискурса, побуждая всякого, кто уже получил ученость, делиться ею с другими.

Подробно анализирует интерпретацию притчи Марией Французской американский ученый Брустер Фитц [Fitz, 1975]. Отсылка к этой притче содержится в строках 1–8 Пролога к самому знаменитому сочинению этой первой французской средневековой поэтессы, *Lais. Escience* и *bon' eloquence* у Марии соответствуют *intellectus* и *operatio* из второй трактовки притчи; *granz bien* является эквивалентом *bona* из Притчи, хотя и некоторым дополнительным значением: если в Евангелии это благо – христианская любовь к Богу и ближнему, для светских историй, рассказанных Марией, это романтическая любовь. Некоторые лексические единицы Пролога принадлежат сразу двум семантическим полям. Например, глагол *loëz* одновременно означал и 'хвалить' и 'давать взаймы', а *surplus* – и эквивалент *usura* ('прибавление, прибыль') и добавочный смысл высказывания, который появляется благодаря интерпретации или глоссе (Мария считает, что этот добавочный смысл должны вносить новые поколения читателей древних, обычно неясных, текстов). При этом Мария, вероятно, считает, что простой перевод не будет способствовать преумножению «талантов» и если она ограничится им,

то судьба ее будет подобна судьбе третьего слуги – быть выброшенным «во тьму внешнюю», где «плач» и «скрежет зубов».

Еще одна библейская цитата, на этот раз из Евангелия от Луки 8:16 (или 11:33) – образ светильника, который не должен скрываться обладающим им, а, наоборот, должен быть поднят на подсвечник, чтобы все могли руководствоваться этим светом, используется в переводческих предисловиях как для обоснования перевода античных языческих авторов в толедской школе XII в. и преодоления анонимности переводчика (в апологии Жерару Кремонскому), так и для обоснования перевода на национальные языки в более поздний период. Акцент, таким образом, смещается – «свет», о котором идет речь, это не столько свет Слова Божьего, сколько свет знания вообще. В XIV в. отголосок притчи встречается в Прологе к *Ovide Moralisé* – автор-переводчик увещевает всех, кто обладает мудростью, не скрывать ее, а делиться ей, так как «мудрость, скрытая под покрывалом, стоит не больше, чем богатство, зарытое в землю»¹⁴. Таким образом оба образа (зарытого в землю таланта и скрытого под покрывалом светильника) переплетаются.

Заключение

Итак, на основе рассмотрения 73 переводческих паратекстов периода поздней античности и Средневековья (до XIV в.) мы можем сделать следующие выводы.

Средневековая книжность была в высокой степени интертекстуальна, являясь культурой не авторства, а авторитета, отсылка к которому была лучшим способом защитить себя от критики или даже преследования. Это было особенно актуально для переводчиков – с одной стороны, они подвергались риску, выбирая того или иного автора (например, Оригена) или тему сочинения (например, астрологию) для перевода, а с другой – взявшись за перевод однозначно авторитетного текста (например, Библии) на «недостойный» язык, могли быть обвинены и в дерзостном самомнении и претензии на понимание Божественного Откровения, и в «метании бисера перед свиньями», выражаясь библейской же цитатой. Поэтому предисловия и послесловия переводчиков содержат достаточно много отсылок к безусловно авторитетным авторам и сочинениям.

По объему интертекстуальность в переводческих паратекстах варьирует от полной инкорпорации предшествующего предисловия (автора или предшествующего переводчика – можно здесь упомянуть историю комплекса предисловий к «Тайне Тайн» [Williams, 2003]) до однословной аллюзии на библейский или мифологический персонаж. В данной статье нас интересовали в основном вставки-цитаты, хотя также рассматривались некоторые аллюзии на известные тексты (например, притчу о талантах).

Интертекстуальные вкрапления встречаются в большинстве рассмотренных предисловий и послесловий, распределяясь по традиционным топосам неравномерно. Чаще всего (19 из 86 топосов с цитатой или аллюзией) переводчик или составитель поэтического переложения христианского или классического текста использовал интертекстуальные включения в рамках так называемого *bonum commune* (мотива «общего блага»), который призван был объяснить полезность нового сочинения или перевода прежде всего для спасения душ верующих и (ре-

---

¹⁴ «Quar ne vault sens que l'en enserre / Ne plus qu'avoir pepos ten terre» (перевод с французского наш. – А. С.) [Copeland, 1995, p. 110].

лигиозного) просвещения. В рамках этого топоса выделяются несколько мотивов, которые в определенной степени сменяют друг друга по мере эволюции книжности.

Прежде всего цитаты из Писания (уже у Руфина Аквилейского, а позднее у Этельвольда и Эльфрика), а также крылатые выражения нехристианского происхождения (например, приписываемые Клавдию Птолемию, позднеантичному астрологу и математику, в предисловии к арабскому переводу «Альмагеста», дошедшему до нас в латинском переводе Жерара Кремонского) использовались для иллюстрации образа жизни, подобающего христианину или просто мудрому человеку. Но одного следования моральным принципам и любви к (христианской) учености в собственной жизни недостаточно для спасения души книжника – христианин (а в особенности лицо духовного звания) обязан заботиться о спасении душ окружающих, что было особенно актуально в «последние времена», описание которых с обильным цитированием соответствующих фрагментов Писания, размещают в своих предисловиях и Иоанн экзарх Болгарский (в предисловии к «Небесам»), и Эльфрик (в предисловии к «Католическим гомилиям»), оба книжника при этом считают, что «вечная гибель» кого-то, кого мог бы спасти книжник, падет на него, подтверждая этот тезис цитатами из Писания. Нести «свет христианского учения в массы» можно было с помощью перевода или пересказа Писания на национальных языках, поэтому этот мотив появляется уже в предисловии к готской Библии (*Praefatio Brixiana*) и время от времени обнаруживается в других рассмотренных переводческих предисловиях, вплоть до «Ормулума», памятника XIII в., также с опорой на цитаты из раннехристианских авторов (например, Святого Климента) и Писания, в частности из пророка Иезекииля.

Наряду с высокой целью спасения души на Страшном Суде, книжники считали также своим долгом борьбу с такими прозаическими пороками, как пьянство – Эльфрик, например, в дополнительном паратексте ко второму сборнику Католических гомилий (*Ammonitio*) обильно цитирует Ветхий и Новый Завет, подкрепляя этими цитатами свой призыв к воздержанию.

С течением времени (особенно с приближением так называемого Возрождения XII в.) меняется круг источников цитат и аллюзий в составе топоса *bonum commune* – к Писанию и раннехристианским авторам прибавляются классические философы (Аристотель), риторы (Цицерон) и поэты (Овидий), а наряду с упоминанием библейских персонажей для обозначения той или иной добродетели (или порока) используются герои греческой и римской мифологии. Кроме того, несколько расширяется и представление о просветительском долге книжника – апология христианского просвещения становится апологией познания вообще – здесь книжникам пригодилась цитата из Послания к Римлянам о познании Невидимого через видимое, а также отсылки к (псевдо) высказываниям царя Соломона о необходимости делиться приобретенной мудростью (как у Бенуа де Сент Мора).

Одной из наиболее популярных и одновременно противоречивых областей знания в этот период была астрология (как приложение астрономии к жизни человека и социума). Астрология не поощрялась официальной церковью, так как противоречила догмату о свободе воли. Поэтому переводчики соответствующей литературы (например, Герман Далматский и Хьюго де Санталл, переводчики «*Liber Trium Iudicum*») считали необходимым привести как можно больше примеров и цитат, которые доказывали бы, что предопределение не противоречит

возможности изменить судьбу, а также показывали бы древность этой практики, восходящей к библейским патриархам, таким как Авраам.

Поскольку одной из важнейших христианских добродетелей было смирение, соответствующий топос присутствует больше чем в половине (38 из 73) рассмотренных паратекстов. Этот топос обычно состоит из двух основных мотивов – утверждения книжника о своей недостойности или неспособности взяться за порученное ему дело и обоснованных этим обстоятельством колебаниях и мотива их «преодоления». Природная или ритуальная скромность переводчика может быть преодолена несколькими способами. Выделяются три основных мотива: *мотив уговоров* вышестоящего лица (подкрепляемый, например, цитатой из Послания к Евреям – о повинении и покорности наставникам), *мотив Божественного вмешательства* (иногда с аллюзией к Валааму и его ослице) и наиболее распространенный *мотив (зарытого) таланта*, воплощаемый полным пересказом или аллюзией к евангельской притче о талантах, которая сулит жестокое наказание тому, кто не воспользовался доверенным ему талантом для приращения достояния (в данном случае, паствы) своего господина (Христа).

Отсутствие в Средневековье представления об авторском праве и, следовательно, обязанности цитирующего не только делать это точно с формальной точки зрения, но и не нарушать исходную коммуникативную интенцию, приводит к тому, что средневековый автор мог видоизменить заимствуемый текст – меняя, например, его тональность, как это делает Хьюго де Санталл, или формы отдельных слов, также приспособляя цитату к задаче, которую переводчик ставил перед собой.

Список литературы

Предисловие к «Ормулуму» (Введение и комментарии М. А. Волконской, перевод Н. В. Аносова и М. А. Волконской // Атлантика XII. Образ острова в языке и культуре кельтов и германцев. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 99–134.

Burnett Ch. A Group of Arabic-Latin Translators Working in Northern Spain in the Mid 12th Century // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1977. Vol. 1977 (1). P. 62–108.

Burnett Ch. Arabic into Latin in Twelfth Century Spain: The Works of Hermann of Carinthia // *Mittellateinisches Jahrbuch*. 1978. Vol. 13. P. 100–134

Burnett Ch. Ptolemaeus in *Almagest* dixit: The Transformation of Ptolemy's *Almagest* in its Transmission via Arabic into Latin // *Transformationen der Antike*. Band 15. Transformationen antiker Wissenschaften. Herausgegeben von Georg Toepfer und Hartmut Böhme. De Gruyter, 2010. S. 115–140.

Copeland R. Rhetoric, Hermeneutics and Translation in the Middle Ages. Academic Tradition and Vernacular Texts. Cambridge Uni. Press, 1995. 295 p.

Faraci D. The Parable of the Talents and the topoi of the exordium in Aelfric's Prefaces to the Grammar // *Studia Mediaevalia Septentrionalia Vindārinne wunderbāerer moere*. Gedenkschrift für Ute Schwab. Fassbender, Wien, 2013. P. 75–98.

Fitz B. E. The Prologue to the *Lais* of Marie de France and the Parable of the Talents: Gloss and Monetary Metaphor // *MLN*. May, 1975. Vol. 90, no. 4 (The French Issue). P. 558–564.

Gallucci E. L'Učitelnoe Evangelie di Constantino di Preslav (IX–X). Tradizione testuale, redazioni, fonti greche // *Europa Orientalis*. 2001. Vol. 20 (1). P. 49–138.

- Genette G. *Paratexts: thresholds of Interpretation*. Cambridge Uni. Press, 1997. 427 p.
- Haskins Ch. H. *Studies in the History of Medieval Science*. Cambridge, Mass, 1924. 411 p.
- Haskins Ch. H., Lockwood D. P. The Sicilian Translators of the 12th Century and the First Latin Version of Ptolemy's *Almagest* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1910. Vol. 21. P. 75–102.
- Heather P., Matthews J. *The Goths in the Fourth Century*. Liverpool Uni. Press, 2004. 196 p.
- Holt R. (ed) *The Ormulum with the Notes and Glossary of Dr. R. M. White*. Clarendon Press, 1878. Vol. 1.
- Migne J. *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*. Paris, 1862. Vol. 14.
- Saint Aethelwold of Winchester*. The Old English Rule of Saint Benedict with Related Old English Texts. Translated and Introduced by Jacob Ruyeff. Cistercian Publications. Liturgical Press, 2017. 190 p.
- Sainte-Maure B. de*. Roman de Troie. Paris, 1904. T. 1. Source: gallica.bnf.fr/Bibliothèque nationale de France (дата обращения 10.10.2021).
- Schaff P. (ed.). Jerome: The Principal Works of St. Jerome – Nicene and Post-Nicene Fathers. Series II. Edinburgh, 1892. Vol. 6.
- Thorpe B. (ed.) *The Homilies of the Anglo-Saxon Church. Homilies of Aelfric*. London, 1844. Vol. 1; 1846. Vol. 2.
- Wilcox J. (ed.). *Aelfric's Prefaces* (Durham Medieval Texts, 9). Uni. of Durham, 1995.
- Williams J. S. *The Secret of Secrets. The Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Latin Middle Ages*. Ann Arbor: The Uni. of Michigan Press, 2003. 385 p.

References

- Burnett Ch. A Group of Arabic-Latin Translators Working in Northern Spain in the Mid-12th Century. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1977, vol. 1977 (1), pp. 62–108.
- Burnett Ch. Arabic into Latin in Twelfth Century Spain: The Works of Hermann of Carinthia. *Mittellateinisches Jahrbuch*. 1978, vol. 13, pp. 100–134
- Burnett Ch. Ptolemaeus in *Almagesto dixit*: The Transformation of Ptolemy's *Almagest* in its Transmission via Arabic into Latin. *Transformationen der Antike*. Band 15. Transformationen antiker Wissenschaften. Herausgegeben von Georg Toepfer und Hartmut Böhme. De Gruyter, 2010, pp. 115–140.
- Copeland R. *Rhetoric, Hermeneutics and Translation in the Middle Ages. Academic Tradition and Vernacular Texts*. Cambridge Uni. Press, 1995, 295 p.
- Faraci D. The Parable of the Talents and the topoi of the exordium in Aelfric's Prefaces to the Grammar. *Studia Medievalia Septentrionalia Vindāerinne wunderbärer moere*. Gedenkschrift für Ute Schwab. Fassbender, Wien, 2013, pp. 75–98.
- Fitz B. E. The Prologue to the Lais of Marie de France and the Parable of the Talents: Gloss and Monetary Metaphor. *MLN*. May, 1975, vol. 90, no. 4 (The French Issue), pp. 558–564.
- Gallucci E. L'Učitelnoe Evangelie di Constantino di Preslav (IX–X). Tradizione testuale, redazioni, fonti greche. *Europa Orientalis*. 2001, vol.20 (1), pp. 49–138.
- Genette G. *Paratexts: thresholds of Interpretation*. Cambridge Uni. Press, 1997, 427 p.

- Haskins Ch. H. *Studies in the History of Medieval Science*. Cambridge, Mass, 1924, 411 p.
- Haskins Ch. H., Lockwood D. P. The Sicilian Translators of the 12th Century and the First Latin Version of Ptolemy's *Almagest*. *Harvard Studies in Classical Philology*. 1910. vol. 21, pp. 75–102.
- Heather P., Matthews J. *The Goths in the Fourth Century*. Liverpool Uni. Press, 2004, 196 p.
- Holt R. (Ed.) *The Ormulum with the Notes and Glossary of Dr. R. M. White*. Clarendon Press, 1878, vol. 1.
- Migne J. *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*. Paris, 1862, vol. 14.
- Predislovie k "Ormulumu" (Vvedenie i kommentarii M. A. Volkonskoy, perevod N. V. Anosova i M. A. Volkonskoy [Preface to "Ormulum" (Introduction and comments by M. A. Volkonskaya, translation by N. V. Anosov and M. A. Volkonskaya)]. In: *Atlantika XII. Obraz ostrova v yazyke i kul'ture kel'tov i germantsevyu* [Atlantica XII. The Image of the Island in language and culture of the Celts and Germans]. Moscow, MAKS Press, 2015, pp. 99–134.
- Saint Aethelwold of Winchester. *The Old English Rule of Saint Benedict with Related Old English Texts*. Translated and Introduced by Jacob Rieff. Cistercian Publications. Liturgical Press, 2017, 190 p.
- Sainte-Maure B. de. *Roman de Troie*. Paris, 1904, vol. 1. Source: gallica.bnf.fr/Bibliotheque nationale de France (accessed 10.10.2021).
- Schaff P. (Ed.). *Jerome: The Principal Works of St. Jerome – Nicene and Post-Nicene Fathers*. Series II. Edinburgh, 1892, vol. 6.
- Thorpe B. (Ed.) *The Homilies of the Anglo-Saxon Church. Homilies of Aelfric*. London, 1844, vol. 1; 1846, vol. 2.
- Wilcox J. (Ed.). *Aefric's Prefaces (Durham Medieval Texts, 9)*. Uni of Durham, 1995.
- Williams J. S. *The Secret of Secrets. The Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Latin Middle Ages*. Ann Arbor, The Uni. of Michigan Press, 2003, 385 p.

Информация об авторе

Анна Леонидовна Соломоновская, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Anna L. Solomonovskaya, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Intercultural Communication, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 21.08.2022;
 одобрена после рецензирования 02.07.2023; принята к публикации 02.07.2023
 The article was submitted on 21.08.2022;
 approved after reviewing on 02.07.2023; accepted for publication on 02.07.2023